

Лето — пора гастролей. Сменил свою сценическую площадку и Львовский русский драматический театр Советской Армии. Свое искусство армейские артисты показали труженикам Молдавии, воинам Одесского военного округа. Театральный критик Геннадий Бирюков познакомился с рядом спектаклей львовян. Своими впечатлениями о них он делится в публикуемых сегодня заметках.

ШУМНО в фойе театра. Скоро начнется спектакль. У больших зеркал толпятся молодежь. Студенты, рабочие. Заглядывают в программы, ищут среди фотографий портреты занятых сегодня актеров. Рассматривают витрину, где выставлены значки, грамоты, памятные адреса и подарки театру от зрителей. Их дарили заводы, институты, войсковые части.

А вот пришла группа молодых солдат. Войны плотным кольцом окружили человека, который ровно, иногда жестко кулирую, что-то говорит. Так беседуют, когда не надо нарочно привлекать внимание, так рассказывают об интересном. Это режиссер Львовского театра Советской Армии В. Гаврилов. Его речь меньше всего похожа на лекцию. Просто идет беседа давних друзей об искусстве, театре, о новинках литературы, кино. И вочию видишь, как просто зритель становится театралом. Эти беседы, эти витрины — начало пути, по которому первый шаг навстречу зрителю делает сам театр.

ПЕРВЫЙ из пяти просмотренных мною спектаклей — «Солдатская вдова», поставленный режиссером В. Гавриловым. Театр не прибегает к довольно модному в последнее время эксцентричному вступлению, начинается действие появлением традиционного ведущего — он выйдет с книгой и просто начнет читать нам первые ее строки. Так, намеренно отказавшись от броского начала, режиссер оставляет нас с глазу на глаз с актером. Трудная и ко многому обязывающая заявка! Конечно, погрешности сюжета, излишняя дробность и некоторая описательность драмы не остаются незамеченными, но вместе с тем в спектакле угадывается и нечто глубокое и мудрое, властно берущее за сердце.

Отгремели залпы победного салюта. А артисты вновь ведут нас к нравственным итогам войны, снова она пройдет через людские сердца. Не уют, сладкий стол да теплую постель станет исшать в родном доме вернувшийся с фронта капитан

Андрей Ворохов. Какая-то беззащитность проглянет в глазах боевого капитана, когда одна за другой упадут на крышу козловой сундука припрятанные заботливой женой новые чистые рубахи. И не сможет он объяснить Клавдии, что же, собственно, чудовищно несправедливое есть в том, что в лихую годину скупилась она у деревенских баб эти рубахи.

Мера жизни человека, цена и смысл победы, ее нравственный итог. Через весь спектакль, во всей человеческой неповторимости воплотится он в образе Марийки — Марии Капитоновны Уваровой — коммунистки, героини трудового фронта. Разумеется, она могла бы быть совсем не похожей на ту, которую играет Жанна Тугай. Вероятно, другие исполнители этой роли в пьесе, идущей

ных ролей видны усилия раскрыть тему нравственного тупика, загубленных человеческих жизней, людей незаурядных, наделенных силой любить и чувствовать, в целом же тема пьесы не обрела последовательного режиссерского решения.

У ЛЬВОВСКОГО театра Советской Армии, театра военного, особое предзнаменование. Один из создателей первого армейского театра в Москве, выдающийся режиссер Алексей Попов говорил, что подобный театр должен «найти пути к сценическому во-

стоит задуматься: не основан ли этот успех на том, что спектакль морректирует сам зритель? Из зага на сцену, от зрителей к актерам, а не наоборот, идут токи живых человеческих чувств — напряженная тишина, вздох облегчения, слезы восторга, аплодисменты. Только адресованы они героям пьесы — лейтенантам — более чем самим актерам...

И, напротив, отнюдь не поступкам героев спектакля «Затюканный апостол» аплодирует зритель. Сценические находки исполнителей не оставляют зал равнодушным. Актеры буквально с первых минут убеждают, что действительное начало принадлежит им,

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Ш О И С К О В

во многих театрах страны, найдут в ней какие-то иные черты и приметы. Но та, какой ее рисует Тугай, не просто по-актерски точна и по-человечески убедительна. Антриса нашла психологически точную доминанту характера своей героини. Все то же обостренное войной ощущение полноты жизни дало ей силы вновь полюбить и отказаться от своей любви. Человек — хозяин своей судьбы — вот суть нравственного урока, преподнесенного в спектакле.

Тема близкая, но на материале иной эпохи, затрагивается театром в постановке бытовой хроники Д. Мамин-Сибиряка «На золотом дне». Но, к сожалению, здесь уже нет той цельности действия, выверенности его направления, как в «Солдатской вдове».

И дело все в том, что спектакль живописует нам не то чтобы правильную, но вполне удобную, благополучную и сытую жизнь. О том ли вообще писал Мамин-Сибиряк? Не о болоте ли «золотого дна», где стерлась грань между подлостью и честностью, предательством и верностью; о жизни, где в любовь бросаются, как в развлечение или как в омут, от скуки, лжи и бессмысленности жизни. Почему же тогда в спектакле пропойца и проходимца Белоносов выглядит эдаким милым чудачком, почему так благороден и величав вор Засыпкин, нагло сунувший чужие деньги в свой карман, почему так царственно сдержан Молоков — человек, которого попросту обокрали?

И хотя в исполнении основ-

площению людей особого склада... во всех сложных процессах формирования и становления психики бойца и командира, их взаимоотношений, одним словом, их внутренней сути». И хотя в армии произошли огромные изменения, заветы эти остаются актуальными и сегодня.

Военный журналист А. Пичук принес первую свою пьесу «Лейтенанты» в театр, и ее сразу приняли к постановке. Ощущались в материале знание армейской жизни, хороший язык, умение строить интересные диалоги. В пьесе происходили довольно напряженные, даже трагические события. Рука прозаика чувствовалась в желании создать атмосферу, писать настроение. И хотя сами по себе вещи это немаловажные, для спектакля требуется еще и нечто иное.

Особенно ясно это стало сейчас, когда сменились почти все главные исполнители ролей: в спектакле пригласило качество, та окраска взаимоотношений героев, которые мы зовем настроением.

Новые исполнители повели спектакль по событийной линии — формально по пьесе, но в чем-то — вопреки ей. Центральное событие — трагическая гибель одного из лейтенантов при разминировании завода — не прошло по всем нормам спектакля, не полосуло огненной метой по сердцу каждого, не разделило время на «до» и «после» взрыва.

Спектакль этот часто показывают в воинских частях. И судя по отзывам, представления бывают удачными. Однако

и этот творческий дух они сохраняют до конца спектакля.

Все в этом спектакле чуть преувеличено, во всем найдена карикатура. Герои танцуют так иступленно и сосредоточено, как будто бы заняты важнейшим в жизни делом; они ссорятся так, как будто бы готовы физически уничтожить друг друга, а любовь столь расчетливо и цинично, что откровенная ненависть была бы во сто крат честнее. Однако, увлекшись показом уродливых форм, которые приобретают человеческие отношения в обществе лицемерия, насилия и обмана, театр все же не реализовал в должной полноте важнейшую мысль пьесы — мысль о типичности показанной буржуазной семьи, откровенной заурядности героев спектакля, мещански узком мировоззрении, страхе перед будущим.

Думается, в пьесе Махвенок, кроме острой публицистичности, столь ярко воплощенной театром, есть еще и спокойная система образных доказательств, суть которых в глубоких реалистических корнях выведенной фантазмагории.

Памятью, преемственностью поколений, глубоким духовным родством тех, кто отстоял Родину в трудную годину, тех, кто поднял ее из руин, и тех, кто сегодня производит слова воинской присяги, дышит спектакль «Наследство» по пьесе А. Софронова. Действие разворачивается в нем плавно, без нажима. Семейная драма захватывает

все новые и новые пласты человеческих взаимоотношений, и конфликт постепенно выводит за семейный круг, вырастает и решается театром как социально значительный и острый. Характеры Недосекина (Б. Чинкин), Варвары (К. Байбакова), Саши Шумова (В. Куксин) лишены декларативности. Это люди одного корня, но их родство не только по крови — по духу. Именно это в первую очередь сумели передать актеры. Зрителю не преподносится готовый вывод, скорее, спектакль приглашает к раздумьям. Вместе с актерами мы идем по пути постижения и выявления ценности и смысла жизни человека, поколения, страны.

Заначивается представление. Люди спешат и автобусам, трамваям. Город не спит. Для одних в этот поздний час только заканчивается трудовой день, а другие уже готовятся к новому. Жизнь не замедляет ни на час. Театр тоже всегда в движении. Вот и сейчас на афише новое название: «Однополчан». И время действия — опять наши дни. Но об этом спектакле стоит поговорить отдельно.

Для постановщика «Однополчан» Арнадия Ивановича Арнадьева, ставшего недавно лауреатом серебряной медали имени А. Д. Попова — талантливого актера и режиссера, работа над военно-патриотической темой не эпизод в сценических поисках, а постоянная творческая потребность, смысл и дело всей жизни. Для него, как и для многих его товарищей — актеров, хорошо памятные те дни войны, когда в сарае или просто на поляне велись репетиции пьесы прямо по свежим номерам «Правды», где печатался «Фронт» А. Корнейчука. В походных условиях родилось ча львовской сцене и «Нашествие» Л. Леонова. Ветер века, ощущение времени запечатлены в спектаклях «Барabanщица» А. Салынского, «Люди, которых я видел» С. Смирнова и в недавних премьерных «А зори здесь тихие...» Б. Васильева и «Мария» А. Салынского.

ПЯТЬ спектаклей текущего репертуара. Пусть не все они равноценны, но каждый — ступенька к так называемому этапному спектаклю, в котором реализуются все творческие силы актеров, постановщиков, художников. Такой спектакль определяет собой некое качество, в которое переходит количество предыдущих проб, поисков, находок. Путь к «этапным» удачам не бывает простым. И счастье найти его зависит от способности творческого коллектива извлекать уроки из сделанного, чутко беречь то лучшее, что уже удалось найти и предшественникам, и тем, кто сейчас продолжает их традицию на сцене.

Г. БИРЮКОВ.